

Нижневартовск начинался с Мегиона

Каждая нефтяная территория округа рождала своих героев, но один из них "наследил" почти везде. Конечно, это Фарман Курбанович Салманов, руководивший нефтеразведкой в Усть-Балыке, Покуре, Мегионе, Сургуте, Горноправдинске...

Человек высокой порядочности и широкой натуры. Ветеран нефтеразведки в Нижневартовском районе Евстигней Липковский рассказывал, как Салманов привез шампанское на всю буровую бригаду, чтобы "обмыть" открытие Мегионского месторождения. Кто еще был способен на такой широкий жест! А я помню, что, будучи начальником Правдинской экспедиции, он пригласил на работу первый в округе студенческий отряд, с концертом - начинающую певицу Аллу Пугачеву. Так вот, нефтяной Нижневартовск начинался с Мегионского месторождения. И первыми специалистами Мегионского нефтепромысла НПУ "Мегионнефть" были его начальник Борис Иванович Осипов, молодые инженеры Георгий Самуилович Арнопольский, Иван Иванович Рынковой, директор Мегионской конторы бурения Валентин Иванович Хлюпин... Они разбуривали это первое месторождение в районе и были уверены, что впереди более крупные залежи.

В середине шестидесятых годов на Самотлорскую структуру стала пробиваться буровая бригада Григория Ивановича Норкина. Он был колоритной фигурой. Высокий, кряжистый, он напоминал могучий кедр, и руки у него были тяжелые, с темными набрякшими венами.

Мы плыли по Оби на "амфибии" на буровую. Мужики дулись в карты, а Норкин сел в углу нашего плавучего "ящика" и углубился в чтение небольшой книги. Я наблюдала за ним. Большая кудлатая голова низко склонилась над страницами, иногда Григорий Иванович проводил пальцем по строчкам. Каково было мое удивление, когда книга оказалась не детективом, как я ожидала, а справочником бурового мастера.

Открытие Самотлора – жемчужины нефтяного Приобья – выпало на долю его бригады, но осваивала скважину-первооткрывательницу бригада испытателей Германа Безродного. Самотлор ничего особенного тогда не представлял. Сосняк, старая избушка промысловиков и, что самое удивительное, заросли крапивы возле нее. Все говорило за то, что место здесь обжитое, а озеро – рыбное, но ханты на буровой я не встречала. Тот день с утра был спокойным. Свободные от вахты буровики добыли окуней на уху. И все же напряженность момента чувствовалась: керн предсказывал наличие мощных нефтяных пластов. До сих пор ветераны вспоминают самотлорский триумф – одна тысяча тонн свободного дебита. Не меньше, чем в Саудовской Аравии. Надо ли говорить, как буровики черпали ладонями, нюхали коричневую маслянистую жидкость и как дети мазали ею друг друга. Самотлор.

Так правильнее называть знаменитое озеро, в переводе – "болотистое озеро", а не "мертвое", "гиблое", как писали заезжие журналисты. В тех краях старик Тэвлин рассказывал мне легенду об охотнике, нашедшем в тайге таинственный запечатанный сосуд. Любопытствуя, он вынул пробку, и на землю полился густой черный "жир", люди называли его нефтью. Самотлор стремительно превращался в нефтепромысел, но он оправдывал свое название: дорог не было, кроме зимника. И тогда чья-то умная голова предложила спустить воду Самотлора в Вах, проделав для этого канал-сток. Взрывники работали на земле, специалисты с вертолета наблюдали за их действиями и координировали. Мне довелось наблюдать это "историческое" событие. Самотлорская земля не хотела сдаваться, после каждого взрыва болотные раны затягивало, выравнивало до прежнего вида.

Так и провалилась затея со стоком самотлорской воды. Очень скоро туда провели бетонку. Применили кустовое бурение. Особенно преуспела в этом деле бригада Виктора Васильевича Китаева.

Нижневартовск притягивал к себе журналистов, партийных деятелей, ученых, крупных специалистов. Однажды заместитель министра нефтяной промышленности Донгарян собрался лететь на Федоровское месторождение (названное в честь главного геофизика Сургутской экспедиции, лауреата Государственной премии Виктора Петровича Федорова), на которое только-только "сели" нефтяники. Вертолет вел сам начальник нижневартовского летного отряда, Герой

социалистического труда Редькин. Погода была нехорошая, явно нелетная: шел снег, гулял ветер. На Федоровке важного гостя ожидали. Провели по промыслу, показали котлопункт, жилые вагончики и даже берестяную газету на манер новгородских писанок, а потом предложили съездить на хантыйское святилище. Замминистра оживился: поедем.

Сели в вездеход и, вздымая снежную пыль, понеслись по белой целине. Остановились у небольшого увала, справа - речка, слева - болотце. Деревья на взгорке обвязаны длинными полотнами разных тканей, некоторые от времени и осадков выцвели, обтрепались, другие были совсем новыми, яркими. С изумлением рассматривал москвич святилище. Один из нефтяников пояснил ему, что здесь ханты молятся перед началом охотничьего сезона, и чужому человеку нельзя ничего трогать. Поездка на молельное место отняла у пилотов часть летного времени, да и снег пошел еще гуще. И все же вертолет поднялся в воздух. Никогда не предполагала, что можно заблудиться в воздухе, но такое приключилось. Наша винтокрылая машина кружила, выискивая ориентиры, но вокруг была только белесая муть. Долго мы так летали, высматривая дорогу в Нижневартовск, и, наконец, заметили факел, только тогда сориентировались.

Освоение недр увлекало, завораживало людей, даже далеких от нефтяных дел. И я вспоминаю двух операторов по добыче нефти - Клавдию Медведеву и ханты Юрия Сигильетова. Быть оператором - совершенно не дамская работа, тем более в те шестидесятые-семидесятые годы. До скважин приходилось зачастую добираться своими ногами в любую погоду. Клавдия настолько освоила мужскую профессию, что по показателям обгоняла мужчин, была отмечена орденом. У Юры была другая судьба. Он долго не мог привыкнуть к размеренной работе на промысле. Рассказывали, что в свободное время он садился лицом к лесу и мог так сидеть долго. Не выдержал молодой ханты нефтяной жизни и вернулся к охоте, рыбалке.

В моей судьбе Нижневартовск сыграл, скажем, благотворную роль. Был момент, когда из-за портрета китайского кормчего Мао цзедуну меня "попросили" из газеты уйти. Как "политически неблагонадежного" человека на работу меня никто не брал, чтобы не замараться самим. Борис Николаевич Таратынов обозвал меня тогда мокрой курицей и посоветовал обратиться к начальнику "Нижневартовскнефтегаза" Леониду Ивановичу Вязовцеву. Так я и поступила. Меня взяли корреспондентом в многотиражную газету "Нефтяник", оформив рабочей в один из цехов. С головой окунулась я в привычную деятельность. В "Нефтянике" собрался отличный штат журналистов во главе с Евгением Ястребовым. Да и все нижневартовские журналисты тогда хорошо знали друг друга, были одним коллективом.